

НОСТАЛЬГИЯ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ДИССИДЕНТА (ПО АВТОБИОГРАФИЯМ В. БУКОВСКОГО «И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕР...», «ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

Е. Г. Серебрякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.

Аннотация: мотив ностальгии встроен в автобиографиях В. Буковского в картину советской жизни. Изображенная сатирически, советская действительность лишена авторского сожаления о прошлом. Однако опыт сопротивления диссидентского сообщества режиму видится автору ценным и исторически значимым и потому вызывает ностальгические переживания. Позиция Буковского созвучна трактовке ностальгии литераторами II волны эмиграции. Писатели III волны, к которым хронологически относился диссидент, предлагали читателям более сложную картину эмиграции.
Ключевые слова: ностальгия, диссиденты, самоидентификация, В. Буковский, «И возвращается ветер...», «Письма русского путешественника».

Abstract: the motif of nostalgia in V. Bukovsky's autobiographies is built into the picture of Soviet life. The Soviet reality, depicted satirically, is devoid of the author's regret about the past. However, the experience of the resistance of the dissident community to the regime is seen by the author as valuable and historically significant and therefore causes nostalgic feelings. Bukovsky's position is consonant with the interpretation of nostalgia by writers of the Second Wave of emigration. The writers of the Third Wave, to whom the dissident belonged chronologically, offered readers a more complex picture of emigration.

Keywords: nostalgia, dissidents, self-identification, V. Bukovsky, «And the Wind Returns», «Letters from a Russian Traveller».

Ностальгия — чувство тоски по утраченному «золотому веку» — является механизмом социокультурной памяти, при котором индивидуальный способ объяснения прошлого согласуется с мнением определенного сообщества. Индивидуально-личное восприятие прошедшей эпохи как ценной и наполненной смыслом сливается с аналогичным коллективным переживанием и определяет способ трактовки истории, моделирует нарратив воспоминаний.

Книга В. Буковского «И возвращается ветер...» (1978 г.) отражает восприятие советского опыта, типичное для диссидентского сообщества, и показательна для характеристики специфического эмигрантского дискурса, в котором в обличительную коллективную память встроена ностальгия. Цель данного исследования — рассмотреть способы обесценивания советской действительности, предложенные автором и легитимированные сообществом, и выявить объект ностальгических переживаний.

По справедливому замечанию И. М. Каспэ, «словом «ностальгия» помечается определенная структура персональной и коллективной идентичности: образ «я» (или «мы») в этом случае формируют два четко выделенных полюса «настоящего» и «прошлого»; внутренние характеристики «настоящего»,

возможно, окажутся по сравнению с «прошлым» более размытыми и невнятными, но внешние границы заданы с точностью — полюса обязательно разделяет существенная дистанция, разрыв» [1, 205]. Для диссидентов, оказавшихся по собственной воле или против нее на Западе, таким разрывом стала эмиграция, не только разделившая жизнь на «до» и «после», но и позволившая соотнести с реальностью представление о советском и западном образе жизни. Характеристика объекта ностальгии и механизмов ее формирования позволит осмыслить не только приемы переформатирования прошлого личного и коллективного опыта, но и специфику социокультурной идентичности советского диссидента, эмигранта III волны.

Книга «И возвращается ветер...» (1978 г.) создавалась В. Буковским по горячим следам насильственной депортации из Советского Союза. По договоренности с издательством диссиденту предстояло очень быстро, за 4 месяца, написать автобиографию и представить широкой английской аудитории. Задача издательства — познакомить соотечественников с новой фигурой политэмигранта — совпала с внутренней мотивацией автора — подтвердить правомочность своего пребывания вне родины.

Для скорейшего выполнения заказа из Парижа была приглашена Н. Е. Горбаневская, к этому време-

ни также высланная из Советского Союза. Ее помощь в качестве редактора и литературного помощника дала результат — книга была написана в срок. Соавторство, впрочем, не означенное в тексте и упомянутое Буковским спустя многие годы [2, 215–216], свидетельствует не только о тесных личных связях внутри сообщества диссидентов, не прерванных после депортации, но и позволяет расценить позицию автора данного текста как типичную для своего круга. Частная история приобретает характер универсальной, фиксирует и укрепляет коллективную память сообщества.

С помощью автобиографии автор решал несколько стратегических задач. Прежде всего книга помогала социализироваться в новом пространстве. Издание биографического романа было прекрасным способом самопрезентации: судьба оппозиционера, претерпевшего гонения властей, вызывала симпатию читателей, а история героической борьбы с режимом без труда вписывалась в логику холодной войны. Интерес западного обывателя к личности диссидента подогревался международным скандалом, сопровождавшим его высылку из страны, и мог быть поддержан с помощью печатного слова.

Следующая, не менее важная задача — занять свою нишу в эмигрантской среде. Издание романа позволяло добавить к статусу политического деятеля звание литератора и войти в широкий и сложный мир литературной эмиграции.

И, наконец, в условиях активно циркулирующего тамиздата, пусть и с трудом, но интенсивно переправляемого на родину, автор имел возможность обратиться к соратникам по борьбе, оставшимся в СССР, подтвердить неизменность собственной гражданской позиции, не поколебленной благополучием жизни на Западе. Это позволяло сохранить духовную связь с прежней референтной группой, что было значимо для недавнего эмигранта, еще не сформировавшего новых прочных связей, дружб и знакомств.

Для решения этих задач автор избрал адекватную писательскую стратегию: обращаясь к зарубежному читателю и диаспоре, демонстрировал полное отторжение от родной страны, государства, народа и вообще всего, носящего клеймо «советского». Ностальгии, как типу конструирования прошлого, в такой картине не могло быть места.

Буковский фиксирует картину советской действительности, исключая всякие основания для ностальгических переживаний. Ностальгия базируется на линейном восприятии времени, при котором «вчера» стабильнее и надежнее «сегодня», а «завтра» размыто и неопределенно. Историческое время в романе циклично: правители сменяют друг друга, но не способны изменить логики исторического развития, система остается верна своей бесчеловечной сущности. Многократно декларируя статичность советской истории, автор полностью

обесценивает не только настоящее, но и прошлое — пространство ностальгии.

Непримиримость и категоричность автора в адрес советского образа жизни находит адекватную поэтику: в романе соединяется анекдотический, фельетонный, памфлетный нарративы. «Презирал я советского человека. Не того, который изображен на плакатах или в советской литературе, а того, который существовал на самом деле, у которого нет ни чести, ни гордости, ни чувства личной ответственности, который может один на медведя с рогатиной ходить, а мимо милиции идет — робеет, аж пот его прошибает. Который предаст и продаст отца родного, лишь бы на него начальник кулаком не стучал» [3, 74], — заявляет автор. Включив в сатирическую, наполненную сарказмом зарисовку один из самых банальных стереотипов западного сознания (советский человек «может один на медведя с рогатиной ходить»), автор указал главного адресата автобиографии. Новому соотечественнику, западному читателю, доказывает он свою абсолютную чужеродность родине, символически обозначая место в новом пространстве. Не тоска по стране, а полное презрение к ней, не поэтизация потерянного в исторических катаклизмах «золотого века», а декларация остановившегося времени — вот эмоциональные доминанты авторского восприятия родины.

В отрицании ностальгии Буковский совпадает с художественными декларациями эмигрантов II волны. В прозе Л. Д. Ржевского, Б. Н. Ширяева, И. Сабуровой зафиксирована схожая позиция. «Благодарю Тебя, Господи, что унес меня из этой несчастной страны!» [4, 147], — восклицает герой рассказа Л. Д. Ржевского «Полдюжины талантов». Горькой иронией звучат строки «Дипилогической азбуки» (1946 г.) (Ди-Пи — сокращение от английского «перемещенные лица»). Так обозначалась категория советских граждан, депортированных в Германию в годы Отечественной войны. — Е. С.) И. М. Сабуровой: «Р — родина. Над утратой ее пролито немало горьких слез. Но дипилогическое объявление о потере гласит так: «Потеряна горячо любимая родина. Умоляем не возвращать» [5, 108]. Писатели вписывали судьбу своих героев в драматичный исторический контекст. Депортации в чужую страну во время войны предшествовала бесправная, лишенная свобод и человеческого достоинства жизнь в предвоенном СССР и очень часто — пребывание в ГУЛАГе. Возвращение на родину было сопряжено с риском нового заключения.

Более сложную позицию в одном из стихотворений высказал И. В. Елагин. Провозгласив: «Мне незнакома горечь ностальгии. Мне нравится чужая сторона» [6, 177], он произвел в дальнейшем тексте двойное отрицание:

... Из всей — давно оставленной — России
Мне не хватает русского окна.

Оно мне вспоминается донине,
 Когда в душе становится темно —
 Окно с большим крестом посередине,
 Вечернее горящее окно.

Таким образом, исходный тезис опровергается последующим образным рядом. Лирический герой осознает глубинную связь с родиной, символически обозначенной «русским окном» «с большим крестом посередине», не отрекается ни от православной сущности и крестного пути России, ни от собственной принадлежности русской культуре. Ностальгия, как глубоко укорененное в душе и сознании свойство, является основой личной идентичности лирического героя. Мучительная раздвоенность эмигрантского сознания между русским «вчера» и зарубежным «сегодня» роднит Елагина с литературной эмиграцией I волны, принципиально настаивавшей на особом характере русской культуры, занимавшей чаще всего изоляционистскую позицию по отношению к культуре страны своего пребывания.

Причина отрицания ностальгии в творчестве значительной части художников II волны эмиграции заключается в отождествлении литераторами понятий «страна» и «государство». Не принимая бесправия личности в тоталитарном государстве, писатели разрывали эмоциональную зависимость от родины, декларировали отсутствие связи с прошлым, заявляли собственную личностную и творческую устремленность не назад, а вперед, в пространство новой для себя культуры. В этом Буковский солидаризировался с эмигрантами-предшественниками.

Показательно, что литераторы III волны эмиграции, к которой хронологически принадлежит автор книги, занимали более сложную и неоднозначную позицию. Эмоциональный спектр при воспоминаниях о родине был широк: от иронической дистанции в поэзии И. Бродского, Л. Лосева, А. Цветкова до пронзительной ностальгии в стихах Н. Коржавина и Б. Кенжеева и ощущения духовной слитности с покинутой страной у Ю. Кублановского. По воспоминаниям современников, незадолго до эмиграции В. Максимов провозгласил: «Эту страну надо уносить с собой на подошвах сапог» [7, 501]. Р. Гуль, обосновавшись в Америке, назвал книгу воспоминаний «Я унес Россию» (1981–1989 гг.) [8]. Троп, впоследствии растиражированный в бытовом и литературном обиходе, не только символически фиксировал Россию как место памяти, но и указывал новую модель самоидентификации эмигранта — культурную двухмерность, или даже транснациональность, при которой можно ощущать себя, например, «новым американцем» (название газеты, издаваемой С. Довлатовым в Нью-Йорке. — *Е. С.*) и в то же время сохранять глубинную связь с родиной.

Итак, в тексте Буковского нет ностальгии по советскому обществу, но есть явно ощутимая ностальгия по годам революционной борьбы с режимом.

С опорой на лично испытанное («я это пережил и могу свидетельствовать как очевидец и участник») и одновременно на коллективное знание инакомыслящих ностальгически конструируется образ прошлого, который нельзя назвать иначе, как травматичным. В опыте своем и всего диссидентского сообщества автор видит подлинную ценность и исторический смысл, что определяет тип повествования — ностальгический, скрытый за легкой иронией.

Ирония, свойство рефлексивного сознания, придает особое качество ностальгии. С Бойм назвала такой тип «метонимической» ностальгией. Исследовательница отмечает, что повествованию, основанному на иронической, или метонимической ностальгии, свойственно «аффективное и этическое осмысление прошлого», «переживание невозможности его тотальной реконструкции» [9]. Очевидно, что в книге Буковского ирония направлена не в адрес друзей-соратников по борьбе (в моральной правоте их общего дела автор не сомневается), а в свой собственный: оказавшись психологически в рубежной ситуации смены культурного кода, Буковский испытывал потребность отыскать точку опоры. В совместном прошлом, наполненном для него и друзей тяжелыми испытаниями, но обладавшим высоким смыслом и значением, обнаружилась та ценностная стабильность и определенность, которая могла помочь эмигранту сохранить душевное равновесие и предотвратить возможный кризис идентичности. Таким образом, ироническая ностальгия выступала социальным инструментом самоидентификации.

Она породила сентиментальный тон в адрес единомышленников, задала героико-романтический и авантюрно-приключенческий дискурс в описании борьбы протестантов с режимом.

Самоидентификация героя-повествователя амбивалентна: авантюристность дополнена автогероизацией. Борьба с тоталитаризмом, убеждает автор читателя, единственно возможный для честного человека вариант жизненного пути, на который однажды в молодости ступил он и его друзья. За право «жить не по лжи» (А. И. Солженицын) приходится платить положением вне социума. Для привлечения читателя на свою сторону автор акцентировал этическую составляющую оппозиционной деятельности, стремился вызвать уважение к нравственному выбору в пользу правды и совести в ущерб социальному благополучию. При этом маргинальность оппозиционеров, как и своя собственная, трактуется в явно выраженном игровом ключе и не вызывает душевного дискомфорта. Противостояние диссидентов режиму показано как непрекращающееся состязание с переменным успехом каждой из сторон.

Автор не демонстрирует посттравматичных переживаний — страха, уныния, отчаяния и проч. Напротив, повествование о драматических событиях — арестах, уголовном преследовании, заключе-

нии в тюрьму, психбольницу и тому подобное — преподносится как происшествия забавные, хотя и чреватые риском для жизни. Авантюрно-приключенческие коннотации, вероятно, виделись автору наиболее доступными для восприятия зарубежного читателя, не склонного к глубокому погружению в реалии советской жизни, но тяготеющего к занимательному повествованию.

Однако ностальгическая интонация, пробивающаяся сквозь авантюрно-приключенческий нарратив, выдает неоднозначность авторской стратегии, не сводимой только к стремлению с помощью текста завоевать почетное место в западном мире.

После изгнания из Советского Союза диссидент не только получал безопасность, но и лишился привычного для себя статуса общественного деятеля, слово и дело которого имело вес за рубежом и внутри страны. И хотя круг внимавших был неширок (за границей — советологи, слависты, специализирующиеся на советской литературе, и заинтересованные в международном использовании диссидента политики и спецслужбы; внутри страны — читатели самиздата), потеря себя как исторической персоны была чревата утратой идентичности. Рассказывание собственной биографии позволяло эмигранту обратиться к прошедшему жизненному опыту, преодолеть отчуждение от Истории и себя подлинного, подтвердить личную идентичность «борца с тоталитаризмом» в условиях частичной изоляции от своей референтной группы.

Таким образом, ностальгия, как интеллектуально-эмоциональный механизм осмысления прошлого, в тексте Буковского подчинена решению стратегических задач внелитературного характера. Представительствуя не только от своего имени, но и от лица инакомыслящих, он воспроизводил типичные для всего сообщества приемы нарративизации прошлого: развенчание, высмеивание советского образа жизни и героизацию диссидентства, смягченную приемами авантюрно-приключенческой поэтики.

В западной науке оценка личности Буковского выдерживается в парадигме антитоталитаризма. Ф. Бубайер именуется его «убежденным противником сталинизма» [10, 102], Р. Хорват — «первопроходцем гласности» [11, 186]. Некоторая архаичность характеристик вполне адекватна персонажу исследований. За 38 лет, проведенных вне родины, Буковский не только не изменил своего статуса «борца с тоталитаризмом», но и не подверг корректировке выстроенную в первой книге картину мира.

Название второй автобиографии было позаимствовано у Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника» (1978–1980 гг.). Буковский использовал тот же дискурсивный прием, что и его великий предшественник: автор-повествователь примеривает роль европейца и сопоставляет западный и российский образ жизни. Однако за обращением к Карамзи-

ну угадывается и стереотипная для эмигрантского, в том числе и диссидентского сознания бинарная оппозиция «русского» и «советского». Производя идентификацию в категории «русский», автор как бы автоматически исключал советский код в возможном толковании своей биографии.

Кроме того, название отражает первую фазу психологической адаптации эмигранта, сопоставимую со взглядом путешественника, поверхностным, очарованным новыми землями. Страна обитания сулит исполнение планов и надежд, которые не могли быть реализованы на родине: «Нужно пожить в этом одиночестве без отдохновения, в этой тюрьме без досуга, именуемой Россией, чтобы осознать всю свободу, доступную любому другому в странах Европы, независимо от форм управления, принятых в них» [12]. Этой цитатой из книги «Россия в 1839 году» Астоляфа де Кюстина, путешественника, писателя-моралиста, оставившего весьма нелицеприятные заметки о России, автор открывает повествование. Путевые заметки Кюстина входили в число настольных книг советских диссидентов. Критическая оценка российской действительности, морализаторские сентенции, данные с позиций европейской просветительской традиции, были близки инакомыслящим. Кюстин пришелся кстати и Буковскому.

Правда, следом в Прологе приведены строки из письма Жуковского, утверждающего, что для человека с разумом и совестью счастье возможно в любой стране. Дополняющие друг друга цитаты указывают мировоззренческие основания картины мира, ориентиры самоидентификации автора — европейская и русская художественная мысль, провозглашающая принципы гуманизма, морали и свободомыслия. Казалось бы, Буковский утверждает культурную двухмерность, шире — транснациональность как основу мироощущения и самосознания эмигранта. Этой позиции придерживалась значительная часть литературной эмиграции III волны. Однако более внимательное чтение книги заставляет сделать не столь однозначный вывод.

Профессор Калифорнийского университета О. Матич оценивала коммуникативную манеру диссидентов как «тоталитарную», «во многих отношениях походившую на официальный язык, только с «обратной полярностью»» [13]. Справедливость наблюдений исследовательницы подтверждает логическая конструкция, возведенная Буковским для характеристики «плохой» советской и «хорошей» западной общественных моделей. Ее положения можно свести к нескольким тезисам: советская система преступна, скроена по лекалам уголовного мира, с теми же бесчеловечными законами. Западная человечнее, поскольку демократична. Однако западные политики наивны в отношении СССР, не осознают, что с тоталитарной страной надо действовать жестко, наступательно, нельзя идти на компромиссы и со-

глашаться на разрядку напряженности. Кроме того, нельзя ослабевать борьбу за права человека. Капитулянтские настроения в борьбе с «советами» недопустимы. Казалось бы, в сравнении с предыдущей книгой здесь возник новый мотив — опасность для стран демократии, исходящая с востока. Однако подобного рода предупреждения обильно содержал советский самиздат 1970-х годов. Буковский лишь скорректировал суждения, многократно звучавшие из уст Ю. Орлова, П. Григоренко, А. Амальрика и многих других диссидентов.

О. Матич отмечала, что стремление воздействовать на политические дела в отечестве и в стране пребывания традиционно для диаспор [13]. Позиция Буковского в этом не уникальна. Однако система аргументов, построенная на категоричных, директивных суждениях, отражающая непоколебимые убеждения, никак не соответствует западному либеральному дискурсу. Ее истоки следует искать в стилистике советской официальной прессы.

Эмигрантская травма перемещенности дает о себе знать в ностальгии о советском опыте противостояния власти. Вновь, как и в первом романе, травматичное прошлое наделяется повышенной ценностью: «Я убежден, что ностальгия — вовсе не тоска по родине. а тоска по прошлому, которое всегда кажется нам лучше сегодняшнего. <...> встретившись с приятелем из далекого прошлого, мы после третьего стакана, конечно, пускаемся в воспоминания о былом, которое предстает нам теперь в романтическом ореоле. Из нашего нынешнего благополучия оно и действительно кажется невероятным» [12]. Последняя фраза дает понять, о каком приятеле идет речь — о единомышленнике, соратнике по борьбе. Заметим, что ностальгическая эмоция качественно изменилась. Если в первом романе коллективное «мы» было окрашено легкой самоиронией и сентиментальностью, то теперь ностальгия осмыслена, ее причина указана. Рефлексия погасила эмоцию. При этом тоска по родине отторгается как не отражающая истинной природы ностальгии, и вот почему: «... эмигрант <...> становится невероятным патриотом своей новой отчизны, куда большим, чем коренные жители. <...> ...возвращаясь очередной раз к себе в Кембридж из поездки, я чувствую, что возвращаюсь домой» [12].

Итак, трансформация из «путешественника» в европейца, укорененного в английской земле, декларирована как состоявшаяся. Стоит ли безоговорочно доверять этой декларации? Местоимение «мы» применяется в автобиографии к разным группам и социумам: инакомыслящим («Для нас там, в Советском Союзе, гласность была оружием, средством борьбы с бесправием и произволом» [12]), советским людям («...беды у нас много, большинство людей знает, что это такое. А потому больше таких, кто отдаст последнюю рубашку. Здесь же чаще получается, что своя

все-таки ближе к телу» [12]), советской стране («То, что происходит в последнее время у нас, уже и алкоголизмом назвать нельзя. Скорее это разновидность народной психотерапии...» [12]) и западному обществу («...возвращаясь <...> к себе в Кембридж <...>, я чувствую, что возвращаюсь домой» [12]). Как видим, текст свидетельствует о расщепленном самосознании автора, «я», лишенном целостности. Повествование ведется от лица эмигранта, только начинающего свой путь адаптации, но активно декларирующего свою состоятельность в новом культурном пространстве.

Литературная эмиграция III волны, разделяя в целом мировоззренческую позицию диссидентов, в 1980–90-е годы отсмеялась романами С. Довлатова над одномерностью мышления, схематизмом и доктринерством инакомыслящих, продолжающих бороться с системой, прекратившей свое существование: «Америка разочаровала Караваева. Ему не хватало здесь советской власти, марксизма и карательных органов. Караваеву нечему было противостоять» [14].

Роль борца с тоталитаризмом, вывезенная Буковским из советского прошлого, неуклонно соблюдалась им в течение всей жизни, диктовала не только нарратив созданных книг (преимущественно социально-политической публицистики), но и общественное поведение. Получив советское гражданство в начале 1990-х годов, он активно включился в работу разнообразных комитетов (в 1992 г. в качестве официального эксперта участвовал в работе Конституционного суда РФ в процессе «КПСС против Ельцина»). В 2004 г. стал соучредителем «Комитета 2008: Свободный выбор») и не прекратил критиковать российскую власть: Б. Н. Ельцина за авторитаризм [15]. В 2007 году Буковский предпринял попытку баллотироваться в президенты России и с помощью оппозиционеров набрал количество голосов, необходимое для регистрации в качестве кандидата. Едва ли он надеялся победить на президентских выборах. Скорее, это был символический шаг, своеобразная провокация — тактика, неоднократно применяемая в пору диссидентской молодости. Отечественные оппозиционеры могли вдохновиться к более смелым и решительным политическим шагам. Западное сообщество получало новое подтверждение жизнеспособности уже немолодого борца за свободу. Как бы то ни было, до выборов дойти не удалось: Центризбирком отклонил кандидатуру претендента, не проживающего в России более 10 лет и имеющего двойное гражданство.

Все эти действия свидетельствуют не только о политических амбициях Буковского, не утихших со временем и не нашедших удовлетворения, но и о силе «вчерашнего» образа себя. Ностальгия, память о прошлом, встроенная в восприятие настоящего и возможного будущего, сформировала биографию и осталась ядром самоидентификации диссидента-эмигранта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каспэ И. М. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии / И. М. Каспэ // Пути России: культура — общество — человек: Материалы Международного симпозиума (25–26 янв. 2008 г.). Т. XV. / Под общ. ред. А. М. Никулина. М.: Логос, 2008. — С. 205–218.
2. Буковский В. К. Париж стал скучным... / В. К. Буковский // Поэтка. Книга о памяти: Наталья Горбаневская. — М.: АСТ, 2014. — С. 215–217.
3. Буковский В. К. И возвращается ветер... / В. К. Буковский. — СПб.: Захаров, 2007. — 339 с.
4. Ржевский Л. Д. За околицей: рассказы разных лет / Л. Д. Ржевский. — Тенефлай (Нью-Джерси): Эрмитаж, 1987. — 177 с.
5. Сабурова И. М. Дипилогическая азбука / И. М. Сабурова. О нас. — Мюнхен, 1972. — Режим доступа: http://lib.ru/TALES/SABUROVA/O_nas.txt (дата обращения: 10. 08. 2023).
6. Елагин И. В. Мне не знакома горечь ностальгии... / И. В. Елагин // Собрание сочинений: в 2 т. / И. В. Елагин. — М.: Согласие, 1998. — Т. 1. — Стихотворения. — С. 177.
7. Сахаров А. Д. Воспоминания: в 3 т. / А. Д. Сахаров // Собрание сочинений: в 8 т. / сост. Е. Г. Боннэр. — М.: Время, 2006. — Т. 3. — 895 с.
8. Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / Р. Б. Гуль. — М.: Б.С.Г.— Пресс, 2001.
9. Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова / С. Бойм // Новое литературное обозрение, 1999. — № 5. — Режим

доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konecznostalgii.html?ysclid=lktibxp4 m6508794742> (дата обращения: 10. 08. 2023).

10. Boobbyer P. Conscience, dissent and reform in Soviet Russia / P. Boobbyer. — London; New York: Routledge, 2005. — 282 p.
11. Horvath R. The Dissident Roots of Glasnost / R. Horvath / Challenging Traditional Views of Russian History / ed. S. G. Wheatcroft. — London: Palgrave Macmillan, 2002. — P. 173–202.
12. Буковский В. К. Письма русского путешественника / В. К. Буковский. — Москва: «Нестор-История», 2008. — 232 с. — Режим доступа: https://royallib.com/book/bukovskiy_vladimir/pisma_russkogo_puteshestvennika.html?ysclid=lktiwc8j7g384160935 (дата обращения: 10. 08. 2023)
13. Матич О. Литература Третьей волны: границы, идеология, язык // Новое литературное обозрение, 2014. — № 3. — Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2014/3/literatura-tretej-volny-graniczy-ideologiya-yazyk.html?ysclid=lksdlf0v6n155590647> (дата обращения: 10. 08. 2023)
14. Довлатов С. Иностранка / С. Д. Довлатов // Собрание сочинений: в 4 т. / С. Д. Довлатов. — Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2003. — Т. 3. — С. 213–346.
15. Буковский В. К. Наследники Лаврентия Берия. Путин и его команда / В. К. Буковский. — М.: Алгоритм, 2013. — 240 с.

*Воронежский государственный университет
Серебрякова Е. Г., доктор культурологии, доцент кафедр
истории философии и культуры
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru*

*Voronezh State University
Serebryakova E. G., Doctor of the Cultural Studies, Associate
Professor of the Department of History of Philosophy and Culture
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru*